числе и к социальной борьбе как одному из важных исторических факторов. Однако взаимоотношение между движением истории и развитием литературы автор понимает своеобразно и весьма односторонне. Литература (в данном случае древнерусская литература) рассматривается им как некое единое целое; от времени до времени историческое развитие оказывает на литературу определенное воздействие, как бы подталкивает ее; литература изменяется, но после некоторого периода колебаний продолжает развиваться как новое единое целое, в единой стилистической системе.

Так, объединение Москвой русских княжеств в единое государство приводит к развитию пышного византийского стиля в русской литературе. Основоположниками этого стиля А. Стендер-Петерсен считает Киприана, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета; из стилистической системы этих авторов он выводит всю литературу XV—XVI вв. — летописание XVI в., энциклопедические предприятия макарьевской школы, «Домострой», «Стоглав», «Степенную книгу», творчество Ивана Грозного и т. д. Некоторые противоречия с господствующей стилистической системой А. Стендер-Петерсен усматривает, правда, в «Повести о Царьграде» Нестора-Искандера, «Казанской истории» и «Повести о прихождении на Псков Стефана Батория», но памятники эти, по его мнению, не могли разрушить общую стилистическую систему «византинизма». Существенные изменения в литературе происходят лишь под влиянием «смуты» начала XVII в., бывшей в свою очередь следствием политики Ивана IV.

События «Смутного времени» приводят к созданию новой социальной системы и возникновению новой духовной жизни, которую в отличие от старой Стендер-Петерсен называет «новой московской культурой». XVII век, по его мнению, является «самым деятельным во всей истории русской литературы» (320). Именно в это время происходит переход от одной литературной системы — византийской к другой системе — европейской. Черты новой системы Стендер-Петерсен видит в секуляризации и индивидуализации литературы, в переходе от средневековых форм к новым, в проникновении в русскую литературу западноевропейского понятия жанра. Точно установленные художественные жанры — драма, лирическое стихосложение, прозаический роман и новелла сменяют древнерусские жанры жития и летописи.

Итак, исторические события (в том числе социальная борьба) оказывают влияние на развитие литературы, но лишь как внешняя сила, от времени до времени порождающая своеобразные «катастрофы» в литературе. Но происходила ли социальная борьба внутри самой литературы, боролись ли внутри древнерусской литературы различные художественные направления, связанные с различными общественными группами? А. Стендер-Петерсен говорит о «великомосковской идеологии», как о «нетерпимой, антипротестантской, антигуманистической и антиеретической» (114); он упоминает о том, что работа макарьевской школы развивалась в то время, когда в Москве «как отголосок победоносного шествия реформационных идеалов в Западной Европе выступала критика против самой сущности московской культуры и против мирского могущества и хозяйственного значения церкви» (187). Но отразились ли эта критика и деятельность тех слоев, с которыми боролась официальная идеология, в литературе, Стендер-Петерсен не говорит; по всей видимости, существования литературы, противостоящей господствующей линии, он не признает. Говоря о сатирической литературе XVII в., автор указывает, правда, что «новомодная сатирическая или общественно-критическая тенденция пустила корни в определенных кругах читающей публики, прежде всего в среде горожан и городского служилого класса» (300), но выводит эту литературу он из западных пере-